

СКАЗКА О ЦАРЕ БЕРЕНДЕЕ,
О СЫНЕ ЕГО ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ,
О ХИТРОСТЯХ КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО
И О ПРЕМУДРОСТИ МАРЬИ-ЦАРЕВНЫ,
КОЩЕЕВОЙ ДОЧЕРИ

Жил-был царь Берендей *до колен борода*. Уж три года
Был он женат и жил в согласье с женою; но все им
Бог детей не давал, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотреть свое государство;
Он простился с царицей и восемь месяцев ровно
Пробыл в отлучке. Девятый был месяц в исходе, когда
он,

К царской столице своей подъезжая, на поле чистом
В знойный день отдохнуть рассудил; разбили палатку;
Душно стало царю под палаткой, и смерть захотелось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно...
Как быть, что делать? А плохо приходит; вот он решился
Сам объехать все поле: авось, попадется на счастье
Где-нибудь ключ. Поехал и видит колодезь. Поспешно
Спрянув с коня, заглянул он в него: он полон водою
Вплоть до самых краев; золотой на поверхности ковшик
Плавает. Царь Берендей поспешно за ковшик — не тут-то
Было: ковшик прочь от руки. За янтарную ручку
Царь с нетерпением то правой рукою, то левой хватает
Ковшик; но ручка, проворно виляя и вправо и влево,
Только что дразнит царя и никак не дается.
Что за причина? Вот он, выждавши время, чтоб ковшик
Стал на место, хватъ его разом справа и слева —
Как бы не так! Из рук ускользнувши, как рыбка
нырнул он

Прямо на дно колодца и снова потом на поверхность Выплыл, как будто ни в чем не бывал. «Постой же!

Царь Берендей) я напьюсь без тебя», и, недолго сбираясь, Жадно прильнул он губами к воде и струю ключевую Начал тянуть, не заботясь о том, что в воде утонула Вся его борода. Напившись вдоволь, поднять он Голову хочет... ан нет, погоди! не пускают; и кто-то Царскую бороду держит. Упершись в ограду колодца, Силится он оторваться, трясет, вертит головою — Держат его, да и только. «Кто там? пустите!» —

кричит он.

Нет ответа; лишь страшная смотрит со дна образина: Два огромные глаза горят, как два изумруда; Рот разинутый чудным смехом смеется; два ряда Крупных жемчужин светятся в нем, и язык, меж зубами Выставясь, дразнит царя; а в бороду впутались крепко Вместо пальцев клешни. И вот наконец синоватый Голос сказал из воды: «Не трудися, царь, понапрасну; Я тебя не пущу. Если же хочешь на волю, Дай мне то, что есть у тебя и чего ты не знаешь». Царь подумал: «Чего ж я не знаю? Я, кажется, знаю Все!» И он отвечал образине: «Изволь, я согласен». «Ладно! — опять синоватый послышался голос. —

Смотри же,

Слово сдержи, чтоб себе не нажить ни попрека, ни худа». С этим словом исчезли клешни; образина пропала. Честную выручив бороду, царь отряхнулся, как гоголь, Всех придворных обрызгал, и все царю поклонились. Сев на коня, он поехал; и долго ли, мало ли ехал, Только уж вот он близко столицы; навстречу толпами Сыплет народ, и пушки палят, и на всех колокольнях Звон. И царь подъезжает к своим златоверхим

палатам —

Там царица стоит на крыльце и ждет; и с царицей Рядом первый министр; на руках он своих парчевую Держит подушку; на ней же младенец, прекрасный как светлый

Месяц, в пеленках копышется. Царь догадался и ахнул. «Вот оно то, чего я не знал! Уморил ты, проклятый Демон, меня!» Так он подумал и горько, горько заплакал.

Все удивились, но слова никто не промолвил. Младенца На руки взявши, царь Берендей любовался им долго, Сам его взнес на крыльцо, положил в колыбельку и, горе Скрыв про себя, по-прежнему царствовать начал.

О тайне Царской никто не узнал; но все примечали, что крепко Царь был печален — он все дожидался: вот придут за сыном;

Днем он покоя не знал, и сна не ведал он ночью. Время, однако, текло, а никто не являлся. Царевич Рос не по дням — по часам; и сделался чудо-красавец. Вот наконец и царь Берендей о том, что случилось, Вовсе забыл... но другие не так забывчивы были. Раз царевич, охотой в лесу забавляясь, в густую Чащу заехал один. Он смотрит: все дико; поляна; Черные сосны кругом; на поляне дуплистая липа. Вдруг зашумело в дупле; он глядит: вылезает оттуда Чудный какой-то старик, с бородою зеленой, с глазами Также зелеными. «Здравствуй, Иван-царевич, —

сказал он. — Долго тебя дожидались мы; пора бы нас вспомнить». «Кто ты?» — царевич спросил. «Об этом после; теперь же

Вот что ты сделай: отцу своему, царю Берендею, Мой поклон отнеси да скажи от меня: не пора ли, Царь Берендей, должок заплатить? Уж давно

миновалось Время. Он сам остальное поймет. До свиданья». И с этим Словом исчез бородатый старик. Иван же царевич В крепкой думе поехал обратно из темного леса. Вот он к отцу своему, царю Берендею, приходит. «Батюшка царь-государь, — говорит он, — со мною случилось

Чудо». И он рассказал о том, что видел и слышал. Царь Берендей побледнел как мертвец. «Беда, мой сердечный

Друг, Иван-царевич! — воскликнул он, горько заплакав. — Видно, пришло нам расстаться!..» И страшную тайну о данной

Клятве сыну открыл он. «Не плачь, не крушися, родитель, —

Так отвечал Иван-царевич, — беда невелика. Дай мне коня; я поеду; а ты меня дожидайся;

Тайну держи про себя, чтоб о ней здесь никто
не проведал,
Даже сама государыня-матушка. Если ж назад я
К вам по прошествии целого года не буду, тогда уж
Знайте, что нет на свете меня». Снарядили как должно
В путь Ивана-царевича. Дал ему царь золотые
Латы, меч и коня вороного; царица с мощами
Крест на шею надела ему; отпели молебен;
Нежно потом обнялись, заплакали... с богом! Поехал
В путь Иван-царевич. Что-то с ним будет? Уж едет
День он, другой и третий; в исходе четвертого — солнце
Только успело зайти — подъезжает он к озеру; гладко
Озеро то, как стекло; вода наравне с берегами;
Все в окрестности пусто; румяным вечерним сияньем
Воды покрытые гаснут, и в них отразился зеленый
Берег и частый тростник — и все как будто бы дремлет;
Воздух не веет; тростинка не тронется; шороха

в струйках
Светлых не слышно. Иван-царевич смотрит, и что же
Видит он? Тридцать хохлатых сереньких уточек подле
Берега плавают; рядом тридцать белых сорочек
Подле воды на травке лежат. Осторожно поодаль
Слез Иван-царевич с коня; высокой травой
Скрытый, подполз и одну из белых сорочек тихонько
Взял; потом угнезвился в кусте дожидаться, что будет.
Уточки плавают, плещутся в струйках, играют, ныряют.
Вот наконец, поиграв, поныряв, поплескавшись,

подплыли
К берегу; двадцать девять из них, побежав с перевалкой
К белым сорочкам, оземь ударились, все обратились
В красных девиц, нарядились, порхнули и разом исчезли.
Только тридцатая уточка, на берег выйти не смея,
Взад и вперед одна-одинешенька с жалобным криком
Около берега бьется; с робостью вытянув шейку,
Смотрит туда и сюда, то вспорхнет, то снова присядет...
Жалко стало Ивану-царевичу. Вот он выходит
К ней из-за кустика; глядь, а она ему человеческим
Голосом вслух говорит: «Иван-царевич, отдай мне
Платье мое, я сама тебе пригожуся». Он с нею
Спорить не стал, положил на травку сорочку и, скромно
Прочь отошедши, стал за кустом. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдруг видит Иван-царевич? Девица
В белой одежде стоит перед ним, молода и прекрасна

Так, что ни в сказке сказать, ни пером описать,
и, краснея,

Руку ему подает и, потупив стыдливые очи,
Голосом звонким, как струны, ему говорит:

«Благодарствуй,

Добрый Иван-царевич, за то, что меня ты послушал;
Тем ты себе самому услужил, но и мною доволен
Будешь: я дочь Кощея бессмертного, Марья-царевна;
Тридцать нас у него, дочерей молодых. Подземельным
Царством владеет Кошей. Он давно уж тебя поджидает
В гости и очень сердит; но ты не пекись, не заботься,
Сделай лишь то, что я тебе присоветую. Слушай:
Только завидишь Кощея-царя, упади на колена,
Прямо к нему поползи; затопает он — не пугайся;
Станет ругаться — не слушай; ползи да и только;

что после

Будет, увидишь; теперь пора нам». И Марья-царевна
В землю ударила маленькой ножкой своей; расступилась
Тотчас земля, и они вместе в подземное царство
спустились.

Видят дворец Кощея бессмертного; высечен был он
Весь из карбункула-камня и ярче небесного солнца
Все под землей освещал. Иван-царевич отважно
Входит: Кошей сидит на престоле в светлой короне;
Блещут глаза, как два изумруда; руки с клешнями.
Только завидел его вдалеке, тотчас на колени
Стал Иван-царевич. Кошей же затопал, сверкнуло
Страшно в зеленых глазах, и так закричал он, что своды
Царства подземного дрогнули. Слово Марьи-царевны
Вспомня, пополз на карачках Иван-царевич к престолу;
Царь шумит, а царевич ползет да ползет. Напоследок
Стало царю и смешно. «Добро ты, проказник, —
сказал он, —

Если тебе удалось меня рассмешить, то с тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просим
К нам в подземельное царство; но знай, за твое

ослушанье

Должен ты нам отслужить три службы; сочтемся
мы завтра;

Ныне уж поздно; поди». Тут два придворных проворно
Под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво,
С ним пошли в покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились царевичу в пояс, ушли, и остался

Там он один. Беззаботно он лег на постелю и скоро Сном глубоким заснул. На другой день рано поутру Царь Кощей к себе Ивана-царевича кликнул. «Ну, Иван-царевич, — сказал он, — теперь мы посмотрим, Что-то искусен ты делать? Изволь, например,

нам построить Нынешней ночью дворец: чтоб кровля была золотая, Стены из мрамора, окна хрустальные, вокруг регулярный Сад, и в саду пруды с карасями; если построишь Этот дворец, то нашу царскую милость заслужишь; Если же нет, то прошу не пенять... головы

не удержишь!» «Ах ты, Кощей окаянный, — Иван-царевич подумал, — Вот что затеял, смотри пожалуй!» С тяжелой кручиной Он возвратился к себе и сидит пригорюнясь; уж вечер; Вот блестящая пчелка к его подлетела окошку, Бьется об стекла — и слышит он голос: «Впусти!»

Отворил он Дверку окошка, пчелка влетела и вдруг обернулась Марьей-царевной. «Здравствуй, Иван-царевич; о чем ты Так призадумался?» — «Нехотя будешь задумчив, —

сказал он. — Батюшка твой до моей головы добирается. — «Что же Сделать решился ты?» — «Что? Ничего. Пускай его

снимет Голову; двух смертей не видать, одной не минуешь». «Нет, мой милый Иван-царевич, не должно терять нам Бодрости. То ли беда? Беда впереди; не печалься; Утро вечера, знаешь ты сам, мудренее: ложися Спать; а завтра пораньше встань; уж дворец твой

построен Будет; ты ж только ходи с молотком да постукивай в стену».

Так все и сделалось. Утром, ни свет ни заря, из каморки Вышел Иван-царевич... глядит, а дворец уж построен. Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей

изумился; Верить не хочет глазам. «Да ты хитрец не на шутку, — Так он сказал Ивану-царевичу, — вижу, ты ловок На руку; вот мы посмотрим, так же ли будешь догадлив. Тридцать есть у меня дочерей, прекрасных царевен. Завтра я всех их рядом поставлю, и должен ты будешь Три раза мимо пройти и в третий мне раз без ошибки

Младшую дочь мою, Марью-царевну, узнать;
С плеч голова. Поди». — «Уж выдумал, чучела,
Думал Иван-царевич, сидя под окном. — Не узнать мне
Марью-царевну... какая ж тут трудность?» —

«А трудность такая, — Молвила Марья-царевна, пчелкой влетевши, — что если Я не вступлюся, то быть беде неминуемой. Всех нас Тридцать сестер, и все на одно мы лицо; и такое Сходство меж нами, что сам отец наш только по платью Может нас различать». — «Ну что же мне делать?» —

«А вот что:
Буду я та, у которой на правой щеке ты заметишь
Мошку. Смотри же, будь осторожен, взглядишь

хорошенько, Сделать ошибку легко. До свиданья». И пчелка исчезла. Вот на другой день опять Ивана-царевича кличет Царь Кощей. Царевны уж тут, и все в одинаком Платье рядом стоят, потупив глаза. «Ну, искусник, — Молвил Кощей, — изволь-ка пройтись три раза мимо Этих красавиц, да в третий раз потрудись указать нам Марью-царевну». Пошел Иван-царевич; глядит он В оба глаза: уж подлинно сходство! И вот он проходит В первый раз — мошки нет; проходит в другой раз —

Нет; проходит в третий и видит — крадется мошка,
Чуть заметно, по свежей щеке, а щека-то под нею
Так и горит; загорелось и в нем, и с трепещущим
сердцем:

«Вот она, Марья-царевна!» — сказал он Кощею, подавши Руку красавице с мошкой. «Э! э! да тут, примечаю, Что-то нечисто,— Кощей проворчал, на царевича с сердцем

Выпучив оба зеленые глаза. — Правда, узнал ты Марью-царевну, но как узнал? Вот тут-то и хитрость; Верно, с грехом пополам. Погоди же, теперь доберуся Я до тебя. Часа через три ты опять к нам пожалуй; Рады мы гостю, а ты нам свою премудрость на деле Здесь покажи: зажгу я соломинку; ты же, покуда Будет гореть та соломинка, здесь, не трогаясь с места, Сшей мне пару сапог с оторочкой; не диво; да только Знай наперед: не сошьешь — долой голова; до свиданья».

Зол возвратился к себе Иван-царевич, а пчелка Марья-царевна уж там. «Отчего опять так задумчив, Милый Иван-царевич?» — спросила она. «Поневоле Будешь задумчив, — он ей отвечал. — Отец твой затеял Новую шутку: шей я ему сапоги с оторочкой; Разве какой я сапожник? Я царский сын; я не хуже Родом его. Кощей он бессмертный! видали мы много Этих бессмертных». — «Иван-царевич, да что же

ты будешь
Делать?» — «Что мне тут делать? Шить сапогов я
не стану.
Снимет он голову — черт с ним, с собакой! какая мне
нужда!»

«Нет, мой милый, ведь мы теперь жених и невеста;
Я постараюсь избавить тебя; мы вместе спасемся
Или вместе погибнем. Нам должно бежать; уж другого
Способа нет». Так сказав, на окошко Марья-царевна
Плонула; слюнки в минуту примерзли к стеклу;
из каморки

Вышла она потом с Иваном-царевичем вместе,
Двери ключом заперла и ключ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потом, они поднялись и мигом
Там очутились, откуда сошли в подземельное
царство.

То же озеро, низкий берег, муравчатый, свежий
Луг, и, видят, по лугу свежему бодро гуляет
Конь Ивана-царевича. Только почуял могучий
Конь седока своего, как заржал, заплясал и помчался
Прямо к нему и, примчавшись, как вкопанный в землю
Стал перед ним. Иван-царевич, не думая долго,
Сел на коня, царевна за ним, и пустились стрелою.
Царь Кощей в назначенный час посылает придворных
Слуг доложить Ивану-царевичу: что-де так долго
Мешкать изволите? Царь дожидается. Слуги приходят;
Заперты двери. Стук! стук! и вот из-за двери им слюнки,
Словно как сам Иван-царевич, отвечают: буду.
Этот ответ придворные слуги относят к Кощею;
Ждать-подождать — царевич нейдет; посылает

в другой раз
Тех же послов рассерженный Кощей, и та же всё песня:
Буду; а нет никого. Вzbесился Кощей. «Насмехаться,
Что ли, он вздумал? Бегите же; дверь разломать
и в минуту

За ворот к нам притащить неучтивца!» Бросились
слуги...

Двери разломаны... вот тебе раз; никого там, а слонки
Так и хохочут. Кощей едва от злости не лопнул.

«Ах! он вор окаанный! люди! люди! скорее
Все в погоню за ним!.. я всех перевешаю, если
Он убежит!..» Помчалась погоня... «Мне слышится

топот», —

Шепчет Ивану-царевичу Марья-царевна, прижавшись
Жаркою грудью к нему. Он слезает с коня и, припавши
Ухом к земле, говорит ей: «Скачут, и близко». —

«Так медлить

Нечего», — Марья-царевна сказала, и в ту же минуту
Сделалась речкой сама, Иван-царевич железным
Мостиком, черным вороном конь, а большая дорога
На три дороги разбилась за мостиком. Быстро погоня
Скачет по свежему следу; но, к речке примчавшись, стали
В пень Кошечевы слуги: след до мостика виден;
Дале ж и след пропадает, и делится на три дорога.

Нечего делать — назад! Воротились разумники. Страшно
Царь Кощей разозлился, о их неудаче услышав.

«Черти! ведь мостик и речка были они! догадаться
Можно бы вам, дуралеям! Назад! чтоб был непременно
Здесь он!..» Опять помчалась погоня... «Мне слышится
топот», —

Шепчет опять Ивану-царевичу Марья-царевна.

Слез он с седла и, припавши ухом к земле, говорит ей:
«Скачут, и близко». И в ту же минуту Марья-царевна
Вместе с Иваном-царевичем, с ними и конь их, дремучим
Сделались лесом; в лесу том дорожек, тропинок

числа нет;

По лесу ж, кажется, конь с двумя седоками несется.

Вот по свежему следу гонцы примчались к лесу;

Видят в лесу скакунов и пустились вдогонку за ними.

Лес же раскинулся вплоть до входа в Кошечье царство.

Мчатся гонцы, а конь перед ними скачет да скачет;

Кажется, близко; ну только б схватить; ан нет, не
дается

Глядь! очутились они у входа в Кошечье царство,

В самом том месте, откуда пустились в погоню; и

скрылось

Всё: ни коня, ни дремучего лесу. С пустыми руками

Снова явились к Кощей они. Как цепная собака,

Начал метаться Кощей. «Вот я ж его, плута! Коня мне! Сам поеду, увидим мы, как от меня отвернется!» Снова Ивану-царевичу Марья-царевна тихонько Шепчет: «Мне слышится топот»; и снова он ей отвечает: «Скажут, и близко». — «Беда нам! Ведь это Кощей,

мой родитель
Сам; но у первой церкви граница его государства;
Далее ж церкви скакать он никак не посмеет. Подай мне Крест твой с мощами». Послушавшись Марьи-царевны, снимает

С шеи свой крест золотой Иван-царевич и в руки
Ей подает, и в минуту она обратилась в церковь,
Он в монаха, а конь в колокольню — и в ту же минуту
С свитою к церкви Кощей прискакал. «Не видал ли проезжих,
Старец честной?» — он спросил у монаха. «Сейчас проезжали

Здесь Иван-царевич с Марьей-царевной; входили
В церковь они — святым помолились да мне приказали
Свечку поставить за здравье твое и тебе поклониться,
Если ко мне ты заедешь». — «Чтоб шею сломить им, проклятым!» —
Крикнул Кощей и, коня повернув, как безумный помчался

С свитою назад, а примчавшись домой, пересек беспощадно

Всех до единого слуг. Иван же царевич с своею Марьей-царевной поехали дале, уже не бояся Боле погони. Вот они едут шагом; уж склонялось Солнце к закату, и вдруг в вечерних лучах перед ними Город прекрасный. Ивану-царевичу смерть захотелось В этот город заехать. «Иван-царевич, — сказала Марья-царевна, — не езд; недаром вещее сердце Ноет во мне: беда приключится». — «Чего ты боишься, Марья-царевна? Заедем туда на минуту; посмотрим Город, потом и назад». — «Заехать нетрудно, да трудно Выехать будет. Но быть так! ступай, а я здесь останусь Белым камнем лежать у дороги; смотри же, мой милый, Будь осторожен: царь, и царица, и дочь их царевна Выдут навстречу тебе, и с ними прекрасный младенец Будет; младенца того не целуй: поцелуешь — забудешь Тотчас меня; тогда и я не останусь на свете, С горя умру, и умру от тебя. Вот здесь, у дороги,

Буду тебя дожидаться я три дни; когда же на третий День не придешь... но прости, поезжай». И в город поехал,

С нею простясь, Иван-царевич один. У дороги Белым камнем осталася Марья-царевна. Проходит День, проходит другой, напоследок проходит и третий — Нет Ивана-царевича. Бедная Марья-царевна!

Он не исполнил ее наставленья: в городе вышли Встретить его и царь, и царица, и дочь их царевна; Выбежал с ними прекрасный младенец, мальчик-

кудряшка,

Живчик, глазенки как ясные звезды; и бросился прямо В руки Ивану-царевичу; он же его красотою Так был пленен, что, ум потерявши, в горячие щеки Начал его целовать; и в эту минуту затмилась Память его, и он позабыл о Марье-царевне.

Горе взяло ее. «Ты покинул меня, так и жить мне Незачем боле». И в то же мгновенье из белого камня Марья-царевна в лазоревый цвет полевой превратилась. «Здесь, у дороги, останусь, авось мимоходом затопчет Кто-нибудь в землю меня», — сказала она, и росинки Слез на листках голубых заблестали. Дорогой в то

время

Шел старик; он цветок голубой у дороги увидел; Нежной его красотою пленясь, осторожно он вырыл С корнем его, и в избушку свою перенес, и в корытце Там посадил, и полил водой, и за милым цветочком Начал ухаживать. Что же случилось? С той самой

минуты

Всё не по-старому стало в избушке; чудесное что-то Начало деяться в ней: проснется старик — а в избушке Всё уж как надобно прибрано; нет нигде ни пылинки. В полдень придет он домой — а обед уж состряпан,

и чистой

Скатертью стол уж накрыт: садися и ешь на здоровье. Он дивился, не знал, что подумать; ему напоследок Стало и страшно, и он у одной ворожейки-старушки Начал совета просить, что делать. «А вот что ты

сделай, —

Так отвечала ему ворожейка, — встань ты до первой Ранней зари, пока петухи не пропели, и в оба Глаза гляди: что начнет в избушке твоей шевелиться, То ты вот этим платком и накрой. Что будет, увидишь».

Целую ночь напролет старик пролежал на постеле,
Глаз не смыкая. Заря занялася, и стало в избушке
Видно, и видит он вдруг, что цветок голубой

встрепенулся,
С тонкого стебля спорхнул и начал летать по избушке;
Все между тем по местам становилось, повсюду

металась
Пыль, и огонь разгорался в печурке. Проворно с постели
Прянул старик и накрыл цветочек платком, и явилась
Вдруг пред глазами его красавица Марья-царевна.

«Что ты сделал? — сказала она. — Зачем возвратил ты
Жизнь мне мою? Жених мой, Иван-царевич прекрасный,
Бросил меня, и я им забыта». — «Иван твой царевич
Женится нынче. Уж свадебный пир приготовлен, и гости
Съехались все». Заплакала горько Марья-царевна;
Слезы потом отерла; потом, в сарафан нарядившись,
В город крестьянкой пошла. Приходит на царскую

кухню;
Бегают там повара в колпаках и фартуках белых;
Шум, возня, стукотня. Вот Марья-царевна, приближась
К старшему повару, с видом умильным и сладким,
как флейта,

Голосом молвила: «Повар, голубчик, послушай,
позволь мне

Свадебный спечь пирог для Ивана-царевича». Повар,
Занятый делом, с досады хотел огрызнуться; но слово
Замерло вдруг у него на губах, когда он увидел
Марью-царевну; и ей отвечал он с приветливым

взглядом:
«В добрый час, девица-красавица; все, что угодно,
Делай; Ивану-царевичу сам поднесу я пирог твой».

Вот пирог испечен; а званные гости, как должно,
Все уж сидят за столом и пируют. Услужливый повар
Важно огромный пирог на узорном серебряном блюде
Ставит на стол перед самым Иваном-царевичем; гости
Все удивились, увидя пирог. Но лишь только верхушку
Срезал с него Иван-царевич — новое чудо!

Сизый голубь с белой голубкой порхнули оттуда.
Голубь по столу ходит; голубка за ним и воркует:
«Голубь, мой голубь, постой, не беги; обо мне

ты забудешь
Так, как Иван-царевич забыл о Марье-царевне!»
Ахнул Иван-царевич, то слово голубки услышав;

Он вскачил как безумный и кинулся в дверь, а за дверью Марья-царевна стоит уж и ждет. У крыльца же Конь вороной с нетерпеньем, оседланный, взнузданный, пляшет.

Нечего медлить; поехал Иван-царевич с своею Марьей-царевной; едут да едут, и вот приезжают в царство царя Берендея они. И царь и царица Приняли их с весельем таким, что такого веселья Видом не видано, слыхом не слыхано. Долго не стали Думать, честным пирком да за свадебку; съехались гости.

Свадьбу сыграли; я там был, там мед я и пиво
Пил; по усам текло, да в рот не попало. И все тут.